

На правах рукописи

Шипилов Андрей Васильевич

**ОППОЗИЦИЯ «МЫ - ОНИ» В
СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ**

24.00.01 - Теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Воронеж - 2005

Работа выполнена на кафедре философии Воронежского
государственного педагогического университета

Научный консультант

доктор педагогических наук,
профессор **Лаврененко
Лариса Яковлевна**

Официальные оппоненты

доктор философских наук,
профессор **Доброхотов
Александр Львович**

доктор философских наук,
профессор **Кияшенко
Николай Иванович**

доктор философских наук,
профессор **Шибаева
Михалина Михайловна**

Ведущая организация:

Ярославский государственный педагогический университет

Защита состоится «1 » марта 2005 г. в «13 » час. на за-
седании диссертационного совета 210.010.04 при Московском го-
сударственном университете культуры и искусств по адресу:
141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, 7, корп. 2,
зал защиты диссертаций

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Московского государственного университета культуры и искусств

Автореферат разослан «15 » января, 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Малыгина И.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Мир в начале XXI века не выглядит мирным, и еще менее представляются таковыми тенденции его развития. Это кажется парадоксом, но по мере объединения, глобальной интеграции количество и интенсивность самых разнообразных конфликтов – национальных, религиозных, цивилизационных, классовых и т.д., - не уменьшается, а, скорее, увеличивается, и к старым противостояниям прибавляются новые. Во все больше набирающем силу процессе глобализации усиливается кризис национального государства – типа социально-политического устройства, определявшего собой специфику политического, экономического, культурного развития на протяжении двух последних столетий. Деградация национального суверенитета вместе с тем является и деградацией народного суверенитета – институты и ценности демократии оказываются под угрозой не столько буквального исчезновения, сколько радикальной ревизии своего содержания и функций, обращающей реальность демократии в совокупность административно-правовых фикций.

Особенно выразительно упадок демократических принципов проявляется сегодня в международных отношениях. Несколько лет спустя после распада СССР и социалистического блока очевидной реальностью мировой политики стало складывание новой монополистической мировой системы с гегемонией США. Именно интересам США и их союзников и сателлитов из числа стран «большой семерки», НАТО и ОЭСР отвечает разрушение Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, сложившейся после второй мировой войны и основанной на принципе национального суверенитета. На смену ей пришла «поствестфальская система», в рамках которой практикуется ограничение суверенитета национальных государств, не состоящих в ОЭСР. Принцип приоритета международного права над национальным служит таким же выражением односторонности нового мирового порядка, как и глобализационная экономическая политика «открытых дверей», с помощью которой группа развитых стран во главе с США получает доступ к ресурсам и возможность извлекать прибыль путем эксплуатации национальных экономик развивающихся и переходных государств.

Политика военно-политического и финансово-экономического экспансионизма вызывает негативную реакцию у объектов последней; противостояние Запад – Восток сменилось противостоянием Север – Юг, так что конец «холодной войны» стал началом новой, все более приближающейся к «горячему» состоянию, необъявленной войны между США и их многочисленными противниками, наиболее активными из которых сегодня выступают исламские фундаменталисты. Безраздельное военное превосходство США ведет к тому, что радикальные антиамериканские движения и организации все эффективнее используют стратегию асимметричного конфликта, главным оружием в котором становятся террористические акты. Известные

события 11 сентября 2001 года в Америке, в результате которых погибло около 3 тыс. чел., продемонстрировали всему миру принципиальную уязвимость сверхдержавы, которая оказалась неспособной обеспечить безопасность своих граждан. США, в свою очередь, дали асимметричный ответ на атаку исламских террористов на Пентагон и Всемирный торговый центр, разгромив талибов в Афганистане и уничтожив режим Саддама Хусейна в Ираке. Но гораздо более важным следствием масштабных терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне стал так называемый «синдром 11 сентября»: потеря чувства безопасности, понимание национальной уязвимости США вызвало в американском общественном сознании мощную патриотически-реваншистскую волну, а главное - почти единодушную поддержку ультраимпериалистическим жестам политической элиты.

Однако противостояние Севера и Юга шире, чем взаимная борьба США и исламского радикального фундаментализма. Многие исследователи интерпретируют реалии современного мира и строят прогнозы на среднесрочную перспективу в терминологии столкновения цивилизаций, причем речь идет не только о противостоянии западнохристианской и других традиционных цивилизаций, но и о противостоянии постиндустриальной цивилизации и всех остальных - религиозно-культурные и стадиальные отличия здесь накладываются друг на друга, взаимно усиливаясь от этого.

С другой стороны, нельзя не обратить внимание, что по мере того, как мир «золотого миллиарда», этот «Запад» или «Север», все больше обособляется от остального населения планеты, в нем самом усиливаются дезинтеграционные и фрагментационные процессы. Проявляется это прежде всего в регенерации этнических и конфессиональных идентичностей, что ведет к усилению конфликтного противостояния различных локальных субъектов. Этноконфессиональный ренессанс, обращение к традиционным (хотя и часто искусственно сконструированным) типам идентичности, неизбежное в переходные эпохи, к числу которых относится и наше время, как правило, сопровождаются вспышками насилия, неизбежными в ситуации ослабления легитимных политических институтов. В странах Западной Европы и Северной Америки, в отличие от многих других регионов мира, этого пока удается не допускать, однако это не значит, что те же самые процессы не развиваются и на заповедной территории «золотого миллиарда». Сама Западная Европа вдруг стала все больше и больше выглядеть не системой нескольких крупных монолитных блоков наций-государств, а пестрой мозаикой этнорегиональных групп, все активнее пытающихся поднять свой суверенный статус вплоть до уровня субъекта международного права и международных отношений. Речь идет о политической фрагментации, причем она не ослабевает, а усиливается по мере являющейся основой процесса глобализации экономической и технологической интеграции; можно говорить о том, что происходит становление нового, постнационального политического порядка, который институциализирует новые, транс-, вне- и постнациональные социальные субъекты, их взаимоотно-

тения и взаимодействия, и в то же время это сопровождается многочисленными конфликтами на этнической и конфессиональной почве, традиционная форма которых зачастую несет в себе новое содержание.

В этих условиях особую актуальность в научных исследованиях приобретают вопросы межкультурной коммуникации, проблематика толерантности и интолерантности во взаимоотношениях и взаимодействиях различных социальных групп. Речь идет о том, чтобы определить, при каких условиях вообще, в принципе возможны толерантные отношения различающихся социальных групп, будь то классы или этносы, и в этом аспекте одной из важнейших проблем является проблема социально-психологической оппозиции «мы — они». Любая социальная группа, коллективный субъект социального действия, идентифицирует себя как «мы» в противоположность некому «они», причем позитивная самоидентификация неразрывно связана с негативной идентификацией оппонента, однако не всегда это одинаково манифестируется с помощью культурных маркеров, семантизируется в идеологических конструкциях и, тем более, определяет собой действия социальных акторов. В разных ситуациях идентифицируют себя как «мы» в противоположность «они» принципиально разные акторы, что обусловлено рядом факторов социального, политического и культурного развития, в то время как оппозиция «мы — они» сама выступает одним из наиболее значимых условий последнего. Представляется, что исследование того, какое место занимает оппозиция «мы — они» в социокультурном развитии, форм и функций этого социально-психологического феномена, его значения в толерантных/интолерантных взаимоотношениях социальных групп, является сегодня своевременной и актуальной задачей научного анализа.

Состояние исследования проблемы. Проблематика оппозиции «мы — они» в контексте толерантных и интолерантных взаимоотношений социальных групп имеет междисциплинарный характер и рассматривается в науке в рамках различных подходов. В философии проблематика оппозиции «мы — они» в той или иной форме и степени рассматривалась в экзистенциализме, феноменологии, герменевтике (М. Бубер, Х. Орtega-и-Гассет, М. Мерло-Понти, Э. Левинас, Б. Вальденфельс), а о толерантности писали самые разные авторы — от К. Манхайма и К.Р. Поппера до М. Уолцера и В.А. Лекторского. В отечественной литературе наиболее полный анализ функций оппозиции «мы — они» содержится в трудах Б.Ф. Поршнева, идеи которого разделяются такими философами и культурологами, как А.С. Ахиезер и А.К. Якимович.

Этологический подход связывает оппозицию «мы — они» с агрессивным поведением индивидов и групп, причины и механизмы которого исследовали К.Лоренц, В.Р. Дольник, М.Л. Бутовская, А.В. Олескин. В психологии данная проблематика изучалась в рамках психоанализа (З. Фрейд, Э. Фромм), необихевиоризма (Д. Доллард, Л. Беркович, А. Бандура), социальной психологии (В. Вундт, С. Сигеле, Г. Лебон, У. Мак-Дугал), интеракционизма (М. Шериф),

когнитивизма (Г. Тэджфел, Дж. Тернер), а также Т. Адорно, К. Левиным, В. Франклом, А. И. Донцовым, В.С. Агеевым. Проблемы взаимодействия социальных групп явились одной из главных тем социал-дарвиниетского направления в социологии (Г. Спенсер, У. Беджот, Л. Гумплович, У. Самнер, Т. Веблен, Л. Вольтман), а также расово-антропологического подхода (Ж.А. де Гобино, Г. Лебон). Эти вопросы анализировались и в «философии жизни» - Г. Зиммелем и А. Бергсоном, концепцию «открытого общества» которого впоследствии развивал К.Р. Поппер. Многообещающими в методологическом отношении концепциями стали интеракционистские социологические теории Дж.Г. Мида и Ч.Х. Кули; оба автора считали расширение коммуникации важным средством преодоления враждебности в межгрупповых взаимодействиях, в то время как П. Сорокин защищал противоположную точку зрения, указывая на увеличение конфликтов по мере расширения контактов между отдельными обществами. В меньшей степени касались проблематики межгрупповых взаимодействий структурные функционалисты (Т. Парсонс, Н. Луман), структуралисты и постструктуралисты (К. Леви-Стросс, Р. Барт, П. Бурдье, Ж. Деррида, С. Жижек и др.), зато она стала центральной в конфликтологических исследованиях, начало которым было положено Г. Моской, К. Шмиттом, а классическими трудами стали работы Р. Дарендорфа и Л. Козера. Идеи последнего о степени возможной конструктивности конфликта в последнее время приобрели новое звучание в таком развивающемся направлении, как этноконфликтология. В этноконфликтологии, так же, как и в этносоциологии, этнопсихологии, в работах по теории и истории нации и национализма, некоторых политологических исследованиях, существуют различные интерпретации этноса и этнического; различают примордиалистский (П.Л. Ван ден Берге, Л.Н. Гумилев, Н.Н. Чебоксаров, Ю.В. Бромлей, Э. Смит и др.), инструментальный (Д. Горовиц, А. Коэн, К. Янг, Р. Брасс) и конструктивистский (П. Бергер и Т. Лукман, Ф. Барт, В.А. Тишков, В.С. Малахов и др.) подходы, можно еще выделить историко-конструктивистский подход таких авторов, занимающихся исследованием нации и национализма, как Э. Геллер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум.

Резюмируя, как выглядит проблемное поле данного диссертационного исследования, можно сказать, что генезис, природа, формы и функции оппозиции «мы - они» плодотворно изучаются в рамках целого ряда общих и специальных научных дисциплин Однако комплексный синтез имеющихся Подходов и данных еще отсутствует; самыми же малоизученными и дискуссионными вопросами являются вопросы взаимосвязи оппозиции «мы - они» и толерантных/интолерантных взаимоотношений и взаимодействий различных социальных групп в разных политических режимах. Также следует заметить, что оппозиция «мы — они» до сих пор изучалась в основном в статическом аспекте, что же касается ее динамики в ходе социокультурного развития, того, наблюдается ли какая-либо закономерность в процессе последовательной смены ее носителей, то эта проблема до сих пор остается малоизученной.

Объект исследования. Объектом диссертационного исследования выступает совокупность процессов социокультурной эволюции в истории первобытного, древневосточного, античного, средневекового европейского, византийского, российского и современного западного обществ, на примере и материале развития которых реконструируется циклическая динамика взаимодействия оппозиций «свои — чужие» и «высшие — низшие» как базовых вариантов инвариантной оппозиции «мы — они».

Предмет исследования. Предметом исследования является содержание и динамика основных форм социально-психологической оппозиции «мы — они», манифестирующейся в артефактах культуры.

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является исследование места, роли и значения социально-психологической оппозиции «мы — они» в процессе социокультурного развития. Поставленная цель достигается путем решения следующих основных задач:

- аналитический обзор подходов, методов и данных этологии, психологии, социологии и истории, в рамках которых осуществляется изучение генезиса, природы, форм и функций оппозиции «мы — они»;
- разработка авторской гипотезы о наличии закономерности в последовательной смене основных форм оппозиции «мы — они» в ходе социокультурного развития;
- анализ циклической динамики форм оппозиции «мы — они» в ходе социокультурного развития на примере истории античной и отечественной культуры;
- анализ содержания оппозиции «мы — они» на современном этапе социокультурного развития и в перспективе возможных направлений последнего.

Методология исследования. Диссертационное исследование выполнено в рамках социально-научного подхода к изучению культуры, на платформе социальной культурологии и в предметно-методологических границах исторической культурологии, социокультурологии и этнокультурологии (в терминологии А.Я. Флиера). Отношение реалий и понятий истории и культуры мы интерпретируем как эмпирический эквивалент онтологических концептов бытия и сущего, координационное позиционирование которых предполагает взаимозаменяемость субъекта и предиката. Автор исходит из понимания социокультурного развития как двуединого процесса, в котором социальная эволюция выступает содержанием изменений в культуре, а культурная эволюция — формой социальных изменений. Культурные артефакты, их совокупности и комбинации рассматриваются нами в ценностно-смысловом аспекте, как маркеры социально значимых явлений, в то время как взаимоотношения социальных групп манифестируются во всем спектре артефактов

культуры, начиная от форм быта, выступающих носителями импликативных значений, до эксплицитного уровня идеологический конструкций. Автор полагает, что цели и задачи данного диссертационного исследования, связанные с изучением исторической динамики взаимодействия сословно-классовых и этнонациональных групп, манифестирующих свою идентичность во всем разнообразии форм культуры, могут быть решены на уровне культурологии системных объектов в объективно-предметных рамках социокультурологии, этнокультурологии и исторической культурологии.

Методы исследования. В диссертационном исследовании задействованы методологические принципы системного, эволюционного, идеально-типовического и компаративистского подходов, в рамках которых применяются аналитический, структурный, функциональный, генетический, типологический, сравнительно-исторический, прогностический и др. конкретно-научные методы. В процессе построения авторской гипотезы о месте, роли и значении оппозиции «мы — они» в социокультурном развитии, в ходе ее верификации и прогностического применения диссертант использовал идеи и положения междисциплинарного значения, представленные в социологических исследованиях Г. Зиммеля и П. Сорокина, социально-психологических - Б.Ф. Поршнева, Г. Тэджфела, Дж. Тернера, этнологических - К. Леви-Стросса и П. Бурдье, историко-конструктивистских - Э. Геллнера и Б. Андерсона, а также отдельные разработки и анализы М. Уолцера, Э. Яна, А.Г. Здравомыслова, В.Л. Иноземцева.

Гипотеза исследования. Социально-психологическая оппозиция «мы — они», являющаяся неизбежной и неотъемлемой частью социальной идентичности, маркируемой с помощью различных артефактов культуры, в национально-демократических обществах реализуется в доминирующем варианте оппозиции «свои — чужие», а в сословно-авторитарных обществах — в варианте «высшие — низшие», при этом толерантность в рамках одной оппозиции прямо пропорциональна интOLERантности в рамках другой, и они взаимно снимают друг друга в статике и сменяют друг друга в циклической динамике социокультурного развития.

Научная новизна диссертации. Научная новизна работы определяется как совокупностью поставленных задач, так и предложенным способом их решения. В диссертации получен ряд новых научных результатов, состоящих в следующем.

1. Установлено, что социально-психологическая оппозиция «мы — они» в зависимости от типа социально-политической организации реализуется в одном из доминирующих вариантов: как оппозиция «свои — чужие» или как оппозиция «высшие — низшие».

2. Доказано, что оппозиция «свои — чужие» характеризует параметры социальной идентичности в национально-демократических, а оппозиция «высшие — низшие» — в сословно-авторитарных обществах.

3. Выявлены способы маркировки оппозиций «свои - чужие» и «высшие — низшие» различными культурными артефактами, начиная от рефлексивных идеологических конструкций и до форм бытовой культуры.

4. Установлено, что толерантность в рамках одной оппозиции прямо пропорциональна интолерантности в рамках другой, так что они взаимно снимают друг друга в статике и сменяют друг друга в динамике социокультурного развития.

5. Выявлен закономерный характер циклической смены в процессе социокультурного развития оппозиций «свои - чужие» и «высшие - низшие», выступающих в качестве видов единой оппозиции «мы - они», в рамках которой реализуется социальная идентичность индивидов в составе страт и этносов.

6. Установлено, что в античной культуре в архаический период доминировала оппозиция «высшие — низшие», в классический — оппозиция «свои — чужие», в эллинистическо-римскую эпоху преобладание снова получила оппозиция «высшие — низшие».

7. Установлено, что в русской культуре к началу Нового времени два вида оппозиции «мы — они» находились в динамическом равновесии, в период от Петра I до Екатерины II доминировала оппозиция «высшие — низшие», а в период первой половины XIX господствующее положение приобрела оппозиция «свои — чужие».

8. Определено общее направление социокультурной эволюции современного западного общества от гражданского-демократического к сословно-авторитарному строю.

9. Дан прогноз динамики видов оппозиции «мы - они», заключающийся в предположении, что по мере установления в глобальном масштабе нового социально-политического строя внешние межнациональные противостояния, коррелятом которых выступает оппозиция «свои — чужие», будут сниматься за счет развития внутренних межклассовых и межсословных противостояний, что обеспечит доминацию оппозиции «высшие - низшие».

Положения, выносимые на защиту.

1. В ходе социокультурного развития социально-психологическая оппозиция «мы — они» идеально-типовски предстает в двух основных вариантах — как оппозиция «свои — чужие» и как оппозиция «высшие — низшие». Первая является внешне-горизонтальной и характеризует параметры социальной идентичности в национально-демократических обществах, вторая является внутренне-вертикальной и определяет социальную идентичность в сословно-авторитарных обществах. Эти оппозиции маркируются и манифестируются с помощью различных культурных артефактов - от форм быта до

идеологических конструкций. Толерантность в рамках одной оппозиции прямо пропорциональна интолерантности в рамках другой, и они взаимно снимают и сменяют друг друга в ходе социокультурного развития.

2. В архаической Греции в период господства аристократии оппозиция «высшие — низшие» доминировала над оппозицией «свои — чужие»; в эпоху расцвета гражданской общины-полиса, наоборот, оппозиция «свои — чужие» доминировала над оппозицией «высшие — низшие»; в эпоху эллинистических монархий и Римской империи оппозиция «высшие — низшие» опять получила преобладание над оппозицией «свои — чужие».

3. В отечественной истории динамика вариантов оппозиции «мы — они» особенно четко прослеживается в период XVIII — первой половины XIX вв. В первую половину этого периода происходит становление сословного строя и вестернизация культуры, с помощью чего дворянство противопоставляло себя непривилегированным сословиям: сословно-правовая оппозиция «высшие — низшие» сняла старую этноконфессиональную оппозицию «свои — чужие». Во вторую половину данного периода начинается становление гражданского общества и происходит национализация культуры, так что горизонтальная оппозиция «свои — чужие» снимает и сменяет вертикальную оппозицию «высшие—низшие».

4. Проецируя закономерность последовательной смены вариантов оппозиции «мы — они» в социокультурном развитии на современный этап эволюции евроамериканской цивилизации, характеризующийся феноменами глобализации, кризиса национального государства, усилением социальной поляризации и упадком институтов и ценностей демократии, можно высказать предположение о том, что вектор развития сегодня направлен от национально-демократической оппозиции «свои — чужие» к квазисловной оппозиции «высшие — низшие», при этом увеличение степени толерантности отношений между этнокультурными группами будет означать снижение степени толерантности отношений между сословно-классовыми группами.

Теоретическая значимость работы. Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что автором разработана новая концепция места, роли и значения оппозиции «мы - они» в социокультурном развитии, аналитический и прогностический потенциал которой может быть использован в культурологических, социально-философских, социологических, этнологических, политологических и исторических исследованиях.

Практическая значимость работы. Практическая значимость прошедшего диссертационного исследования состоит в том, что разработанные автором идеи и полученные им результаты могут быть применены другими исследователями в работах по сходной проблематике. Материалы и положения работы включены в авторские учебные пособия, используе-

мые в учебном процессе в средних и высших учебных заведениях (История культуры древней Руси. — Воронеж, 1995. — 15,75 п.л.; История России и мировая цивилизация. - Воронеж, 1997. - 20,2 п.л. (в соавторстве); История русской культуры с древнейших времен до XVII века. Рекомендовано Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений. - Воронеж, 1997. — 18,1 п.л. (в соавторстве). Идеи и материалы диссертации нашли свое отражение также в авторских лекционных курсах.

Апробация работы. Результаты работы доложены и обсуждены на расширенных заседаниях кафедры философии Воронежского аграрного государственного университета, кафедры философии Воронежского государственного педагогического университета, кафедры систематической философии Воронежского государственного университета, кафедры истории культуры Московского государственного университета культуры и искусств, на нескольких ежегодных конференциях профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов ВГАУ, межвузовской научной конференции «Проблемы преподавания культурологии в высшей школе» (Воронеж, 2000), городской научно-методической конференции «Современная культурологическая подготовка студентов: перспективы профессиональной ориентации» (Воронеж, 2002), Третьем Российском философском конгрессе (Ростов, 2002), XXXI Академическом симпозиуме Нижегородского философского клуба и Общероссийской академии человековедения «Законы педагогики» (Нижний Новгород, 2003), Всероссийской научно-практической конференции «Русская культура в начале Ш тысячелетия» (Воронеж, 2003), Международной научно-практической конференции «Философские и психолого-педагогические проблемы нравственной жизни личности» (Воронеж, 2003), городской научно-методической конференции «Актуальные проблемы совершенствования преподавания культурологии и культурологических дисциплин в высшей школе» (Воронеж, 2004), XXXII Академическом симпозиуме Нижегородского философского клуба и Общероссийской академии человековедения «Законы управлеченческой сферы общества» (Нижний Новгород, 2004), региональной научной конференции «Культурно-цивилизационные особенности развития современного российского общества» (Белгород, 2004), всероссийской научной конференции «Бренное и вечное: образы мифа в пространствах современного мира» (Великий Новгород, 2004).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы. Объем работы без списка литературы составляет 330 страниц, общий объем текста — 360 страниц; список литературы включает 625 наименований.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *Введении* диссертации обосновывается актуальность темы исследования, освещается состояние исследования проблемы, осуществляется постановка цели и задач исследования, рассматривается методология работы, говорится о научной новизне, теоретической и практической значимости диссертации, ее апробации и публикациях по теме работы.

Первая глава «ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» посвящена анализу основных подходов, методов и данных ряда научных дисциплин, школ и направлений, по проблематике оппозиции «мы - они» в контексте проблемы толерантных и интолерантных взаимоотношений и взаимодействий социальных групп. Вопросы причинной обусловленности, сущности и структурно-функциональных характеристик толерантных и/или интолерантных взаимоотношений социальных групп связаны с проблемой оппозиции «мы — они», которая имеет биологический генезис, психологическую природу, реализуется в поведении, структурирует взаимодействие социальных групп, манифестируется в артефактах культуры и семантизируется в идеологических схемах. Соответствующее проблемное поле отличается не только своей шириной, но и междисциплинарным характером: разные аспекты последнего изучаются в рамках этологии, психологии, социологии, конфликтологии, этнопсихологии, истории, культурологии и др. дисциплин

1.1. Проблема толерантности и оппозиция «мы — они»

В первом параграфе освещается история и современное значение идеи толерантности в зарубежной и отечественной мысли: рассматриваются взгляды, мнения и высказывания М. Монтеня, Д. Локка, П. Бейля, М. Блока, К. Ясперса, культуррелятивистские трактовки М. Херсковица, Э. Сэпира, Л. Уайта, А. Кробера, Р. Бенедикт, М. Мид, точки зрения П. Фейерабенда, К. Манхайма, К.Р. Поппера, М. Уолцера, В.А. Лекторского и др. Здесь же затрагивается идея диалога культур (В.С. Библер, Б.Дж. Сингер), говорится о Декларации принципов терпимости, принятой ЮНЕСКО в 1995 г., Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» на 2001 — 2005 годы, о работах, выполненных в русле ее реализации (Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, О.Д. Шарова, 2000). Следует отметить, что в последней речь идет в первую очередь о толерантной или интолерантной личности — иными словами, межгрупповые отношения рассматриваются через призму межличностных. В духе социального атомизма рассматриваются проблемы восприятия «Другого» и в ряде философских направлений — экзистенциализме, феноменологии, герменевтике (М. Бубер, Х. Ортега-и-Гассет, М. Мерло-Понти, Э. Левинас, Б. Вальденфельс, М.В. Шугуров, И.Н. Шульгин и др.). В то же время Х. Ортега-и-Гассет, отправляясь от оппозиции «Я - Ты», приходит к оппозиции «Мы - Они», и тем более неизбежной становится последняя, если анализ ведется в

русле парадигмы социального субстанциализма (Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс) и с использованием данных полевых и экспериментальных исследований (А.Р. Лурия, И.С. Кон). В этом свете оппозиция «мы - они» предстает неотъемлемой характеристикой социального бытия (А.С. Ахиезер), и возникновение этой оппозиции произошло не только одновременно, но и в теснейшей взаимосвязи с возникновением самого человека и общества (Б.Ф. Поршнев).

1.2. Этологические аспекты

Если Б.Ф. Поршнев связывал возникновение оппозиции «мы - они» с дивергенцией неоантропов и палеоантропов, то с точки зрения этологии этот социально-психологический феномен является коррелятом определенных поведенческих программ, связанных с внутривидовой агрессией у животных, в том числе приматов. По К. Лоренцу, внутривидовая агрессия объясняется конкуренцией за ресурсы биотопа; при этом она вызывается не внешними, а внутренними причинами, кумулируется и разряжается на тот или иной объект, но при этом может быть заторможена или переориентирована. Человек как биологический вид отличается слабым естественным вооружением, поэтому у него не развились эффективные механизмы торможения агрессии; впрочем, такие механизмы все же существуют, и один из них - это переориентация, вынесение агрессии с внутригрупповых на межгрупповые отношения. Эти идеи сегодня в основном сохраняют свое значение (В.Р. Дольник, З.А. Зорина и др.), хотя и подвергаются определенной критике и переосмыслению (М.Л. Бутовская, М.А. Дерягина); с другой стороны, в некоторых научных направлениях (социобиология, биополитика) высказываются еще более радикальные, по сравнению с Лоренцем, идеи об эквивалентности поведенческих программ аффилиации и изоляции, различия «своего» и «чужого», у человека и у других животных, вплоть до микроорганизмов (А.В. Олескин).

1.3. Психологические аспекты

Чтобы не редуцировать подобным образом социальное к биологическому, следует указать, что оппозиция «мы — они» имеет социально-психологическую природу, и хотя по генезису и моторной корреляции связана с поведенческой агрессией, но не тождественна ей. Психоаналитическая школа объясняет агрессию в межгрупповых отношениях, перенося данные об отдельных явлениях индивидуальной психики, таких, как эдипов комплекс, нарциссизм, деструктивный инстинкт, некрофилия, садизм и пр., на социальные взаимодействия (З. Фрейд, Э. Фромм). Бихевиористская школа также прямо экстраполирует данные об индивиде на социум, объясняя агрессию с помощью теорий фruстрации, относительной депривации, научения и др. (Д. Доллард, Л. Берковиц, А. Бандура); то же самое касается теории авторитарной личности (Т. Адорно), опытов К. Левина, логотерапии В. Франклса. Более адекватными в этом плане выглядят концепции, разработанные в русле собственно социальной психологии, начало которой было положено работами В. Вундта, С. Сигеле, Г. Лебона, У. Мак-Дугала и др. Интересующие нас когни-

тивистские и особенно интеракционистские концепции восходят к теории символического интеракционизма Дж.Г. Мида, позднее получившей развитие в трудах Т. Шибутани, а также в социодраматическом подходе И. Гофмана, у С. Московичи и др.; когнитивистские психологические концепции, в свою очередь, многим обязаны социальному конструктивизму П. Бергера и Т. Лукмана. Исследование межгрупповых интеракций было осуществлено в полевых экспериментах М. Шерифа, показавших, что враждебные аттитюды и агрессивные действия возникают в ситуации конкуренции за ресурсы в межгрупповых отношениях; это положение применяется и к объяснению поведения больших социальных групп (теория реалистического конфликта). Когнитивные механизмы межгрупповых взаимодействий изучались в экспериментах Г. Тэджфела, Дж. Тернера, В.С. Агеева и др.

Г. Тэджфелом было установлено, что сам факт группового объединения, при отсутствии каких-либо объективных противоречий между группами, ведет к ингрупповому фаворитизму и аутгрупповой дискриминации; для объяснения этого им была разработана теория социальной идентичности, согласно которой межличностные и межгрупповые интеракции формируют когнитивную «Я-концепцию», в которой личностная и социальная идентичности взаимодействуют по принципу обратной связи. Социальная идентичность включает в себя когнитивный компонент самотипизации и эмоциональный компонент позитивной самооценки. Позитивная самооценка группы требует сравнения ее с другими, поэтому члены группы стремятся к дифференциации, отделению своей группы от любых иных, и так как целью дифференциации является стремление установить превосходство, она реализуется в формах соперничества. Теория социальной идентичности Тэджфела была дополнена теорией самокатегоризации Дж. Тернера, согласно которой межгрупповое восприятие характеризуется отнесением субъектом себя и окружающих к тому или иному классу, при этом категоризация себя как члена группы, на основе которой устанавливается социальная идентичность, основана на автоматически постулируемом сходстве членов ингрруппы в отличие от аутгруппы. В результате межгрупповое восприятие необходимо оказывается неадекватным, что объективно обусловлено спецификой когнитивных механизмов человеческого сознания, в нем неизбежны предрассудки, стереотипы, межгрупповая дискриминация, эффект гомогенности аутгруппы и т.д.

1.4. Социологические аспекты

В социологии, в отличие от социальной психологии, речь идет не столько о поведении и восприятии, сколько о взаимодействии социальных групп, в том числе враждебном и конфликтном, одним из условий которого является прямая взаимосвязь между степенью сплоченности группы и степенью враждебности ее акций по отношению к другим. Об этом писал еще Г. Спенсер и другие социал-дарвинисты (У. Беджот, Л. Гумплович, У. Самнер, Л. Вольтман; оригинальную теорию «праздного класса» создал Т. Веблен). Расово-антропологическая школа оперировала понятием расы и

расовой борьбы (Ж.А. де Гобино, Г. Лебон). В рамках такого направления, как философия жизни, работали Г. Зиммель и А. Бергсон; первый считал враждебность одной из основ отношений между людьми, писал о гомогенности аутгруппы и принципе метаконтраста, а второй считал враждебность в межгрупповых отношениях неотъемлемой принадлежностью «закрытого общества», к типу которого он относил и современное — в отличие от К.Р. Поппера, считавшего либерально-демократическое общество «открытым». В теории «зеркального Я» Ч.Х. Кули групповая идентичность производна от индивидуальной, но предполагает противопоставление другой группе, что служит предпосылкой межгрупповой дискриминации; Дж. Мид отмечает, что межгрупповая враждебность гомогенизирует группы и интенсифицирует коллективную самость, в то время как расширение контактов и коммуникаций ведет к противоположным следствиям. У П. Сорокина, напротив, расширение контактов приводит к увеличению количества войн, так как разные общества обладают несходными системами ценностей; более того, само общество представляет собой агломерат элементарных и кумулятивных коллективных единиц, находящихся между собой в антагонистических отношениях. В рамках структурно-функционального подхода (Т. Парсонс, Н. Луман), так же как и в структурализме и постструктурализме (К. Леви-Стросс, Р. Барт, П. Бурдье, Ж. Деррида, С. Жижек и др.), проблематика межгрупповых отношений не ставилась во главу угла. Напротив, работы авторов конфликтологического направления (Г. Москса, К. Шмитта, Р. Дарендорф, Л. Козера) представляют в этом плане значительный интерес: Г. Москса считал причиной конфликтов инстинкт борьбы и отмечал, что перенесение агрессии из внутригрупповых в межгрупповые отношения служит гомогенизации группы, поддержанию ее стабильности; Карл Шмитт вообще считал политическую сферу сферой борьбы общественных групп, сферой борьбы по определению; Р. Дарендорф указывал, что причины конфликта устранить нельзя, но интенсивность его зависит от ряда факторов; наконец, Л. Козер создал развернутую позитивно-функциональную теорию конфликта, из которой, среди прочего, следует, что конфликт задает границы между группами благодаря усилинию самосознания групп, актуализации представлений об их отдельности и специфичности, т.е. самоидентификации.

Наиболее распространенным в последние полтора десятилетия типом конфликтов является этнический, что фокусирует исследовательский интерес на проблеме этноса и этничности вообще, и межэтнического взаимовосприятия - в частности. В этой области, по одной из самых распространенных классификаций, выделяются примордиалистский (эссенциалистский), инструменталистский и конструктивистский подходы (два последних иногда обозначаются как единый модернистский подход). В рамках примордиалистского подхода выделяются два направления — социально-биологическое (или генетическое), и эволюционно-историческое (или культурное); к первому можно отнести концепции П.Л. Ван ден Берге, Л.Н. Гумилева, к второму - Н.Н.

Чебоксарова, Ю.В. Бромлея, Э. Смита. Главной чертой обоих направлений является то, что этнос здесь трактуется как объективно существующая группа людей, обладающая определенным набором характеристик, отличающим ее от других подобных групп, при этом второе направление фактически примыкает к культурно-плуралистическому, марксистскому (неомарксистскому), статусно-групповому и цивилизационному (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А.Дж. Тайнби, С. Хантингтон) подходам к интерпретации этничности. В рамках инструментального подхода (Д. Горовиц, А. Коэн, К. Янг, Р. Брасс) этнос рассматривается как общность, объединяемая общими интересами, а этничность предстает ситуативной и мотивированной, средством для достижения групповых интересов и способом политической мобилизации. Наконец, в рамках конструктивистского подхода (П. Бергер и Т. Лукман, Ф.Барт, В.А. Тишков, В.С. Малахов, А.Г. Здравомыслов и др.) этничность - это не внутренне присущее и неотъемлемое свойство индивидов, объединенных в соответствующие группы, а социальная категория, один из видов идентичности; это не вещь (и даже не свойство), а отношение, определяемое ситуацией, точно так же и этнос — это не некая самосущая данность и даже не носитель этничности, а ее производное, агрегат индивидуальных этноидентичностей, параметры которого задают культурные границы.

Авторы различных направлений, от примордиалистов до конструктивистов, указывают на потенциально конфликтогенную роль, которую играет оппозиция «мы — они» в межэтнических отношениях, выступая источником негативных гетеростереотипов, интолерантности и дискrimинации (Г.У. Солдатова, Н.Г. Скворцов, А.С. Ахиезер, Э.И. Паин, С.Е. Рыбаков, П.Е. Кандель и др.). Этническая история предстает историей этнических конфликтов; впрочем, когда речь идет о двух-трех последних столетиях, чаще говорят не об этносе и этничности, а о нации и национализме, и исследования ведутся в основном в исторической плоскости.

1.5. Исторические аспекты

Необходимо заметить, что существуют два основных понимания нации - как гражданского сообщества (французская традиция) и как культурно-языковой общности (немецкая традиция). В разных практиках словоупотребления эти понятия противопоставляются друг другу, более того, некоторые авторы (П.А. Сорокин, В.А. Тишков) выступали и выступают вообще против использования понятия «нация», считая его невалидным, а именно — реифицированным, субстанциализированным, онтологизированным представлением неясного содержания, отрицая за денотатом «нации» какую-либо объективную реальность. В отличие от этого, В.С. Малахов считает неправильным вовсе лишать понятие «нация» предиката бытия, трактуя природу нации как субъективно-символическую, производную от национальной идентичности индивидов; А.Г. Здравомыслов выступает с «релятивистским» понятием нации, в рамках которого и нация, и этнос рассматриваются как сообщества, конституированные групповым само-

сознанием своих членов, идентифицирующие себя в качестве таковых через сопоставление, т.е. отличие от других (прежде всего - языковое, на основе которого и формируется оппозиция «мы — они»).

Однако в историческом контексте нацию принято отличать от этноса: нация, равно как и национализм, появляются в истории не ранее XVIII столетия, при этом этнонация и гражданская нация были тесно связаны между собой. Эту проблему анализируют такие представители историко-конструктивистского подхода к изучению нации, как Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум. Э. Геллнер считает нацию продуктом национализма, т.е. идеологии, согласно которой политические и национальные единицы должны совпадать, что становится необходимым и неизбежным только в индустриальном обществе, производственная система которого предполагает стандартизованные процедуры обмена информацией, для чего требуется стандартный же письменный язык, владеть которым должны все члены общества. В этих условиях происходит огосударствление и демократизация системы образования и культуры в целом, соответственно, в границах образующихся культурно-политических миров национальных государств происходит социокультурная гомогенизация, сливаются разные стили жизни, сокращается социальная дистанция, и в то же самое время между этими мирами вырастают культурные барьеры, начинается взаимоотталкивание — внешние границы укрепляются по мере разрушения внутренних. Б. Андерсон, в свою очередь, называет нацию «воображаемым сообществом», отличающимся от конфессиональных объединений и династических государств использованием профанных языков и десакрализованной картиной мира, одной из причин чего стало развитие «печатного капитализма»; Андерсон выделяет креольскую, языковую и официальную модели национализма, в соответствие с которыми развивался процесс нациестроительства в разных странах. Наконец, Э. Хобсбаум рассматривает становление современных наций и националистической идеологии в качестве следствия британской промышленной и французской политической революций, анализируя значительное количество сопутствующих факторов и конкретных исторических обстоятельств.

1.6. Демократия и толерантность

Исследователи, анализирующие феномены нации и национализма в соци- и культурно-историческом аспекте, объясняют генезис, структуру и функциональные особенности последних разными факторами, однако сходятся в том, что связывают нацию и национализм с демократизацией социально-политической сферы европейских и неевропейских обществ и государств в течении двух-трех последних столетий. Националистическое сознание с теми или иными элементами этноцентризма и ксенофобии, противопоставляющее «нас» — «им», оказывается так или иначе связанным с демократическими институтами (Э. Ян), из чего можно сделать вывод о существовании корреляции между демократией и интолерантностью в межгрупповых (межэтнических, межнациональных) отношениях. Это в значитель-

ной степени противоречит широко распространенным взглядам о толерантности как неотъемлемой принадлежности демократии и, наоборот, интолерантности как неизбежной принадлежности авторитарных режимов (Ю. Хабермас, Р. Ингхарт, В.С. Рахманин и др.). В то же время М. Уолцер, анализируя, в каких исторически существовавших и существующих социально-политических организмах реализовывалось толерантное отношение к группам, отличающимся своими культурно-религиозными институтами и образом жизни (этнокультурным группам), называет многонациональные империи в качестве древнейшего и наиболее долго просуществовавшего в истории типа толерантного режима (наряду с консociативным устройством, национальным государством, иммигрантским обществом и международным сообществом). Фактически оказывается, что толерантные отношения различающихся в отношении языка, культуры, религии групп реальны, по сути, лишь в государствах имперского типа, где политическая власть отчуждена от этих групп в пользу всеимперского класса политической бюрократии: здесь государство толерантно к группам, группы толерантны друг к другу, и отдельные индивиды в городах и особенно столицах тоже сосуществуют в высшей степени толерантно под защитой — и, естественно, под контролем — имперской власти. Толерантность в рамках международного сообщества в данном аспекте можно не рассматривать; консociативные сообщества производны от имперских традиций, нестабильны и редки; что же касается национальных государств и иммигрантских обществ, в том числе и даже преимущественно либерально-демократических, то здесь толерантность реализуется лишь в отношении индивидов, а существование организованных этнокультурных и этноконфессиональных групп вовсе не допускается, так что ни о какой толерантности как в межгрупповых отношениях, так и в отношениях групп с государством речь вообще не идет. Таким образом, если демократии и присуща толерантность, то только по отношению к индивидам, но не по отношению к группам, и говорить о внутренне присущем демократическому устройству атрибуте терпимости и, напротив, однозначно приписывать авторитарным режимам нетерпимость, по мнению М. Уолцера, с которым мы полностью согласны, неверно.

1.7. Выводы и гипотезы

В этом последнем параграфе на основе осуществляемого в рамках системного подхода синтеза проанализированной выше литературы вопроса автор выдвигает свою гипотезу о месте и значении оппозиции «мы — они» в социокультурном развитии. Личностная и социальная идентичность индивида предполагают друг друга, и это значит, что человек в любой конкретный момент выступает членом конкретной группы, отличной от всех других групп. Индивиды составляют группу, будучи объединены по принципу метаконтраста: элементы образуют систему (группу) в случае, если различия между ними меньше, чем отличия их от элементов другой системы (группы). Этот принцип работает не только при самокатегоризации индивидом

себя как члена ингруппы, отличающейся от аутгруппы, им организуется, помимо когнитивной, и эмоциональная сфера, а также поведение и сама деятельность. Отождествленное с *Мы Я* оппонирует *Они*, и степень идентификации с ингруппой тем выше, чем более значимы отличия от аутгруппы, чем сильнее выражена оппозиция *Нас — Им*; соответственно, чем сильнее отталкивание от чужой группы, тем более гомогенной становится своя, и это отталкивание может реализоваться не только как когнитивное различие, но и как выносимое за пределы группы, в сферу межгрупповых отношений, агрессивное поведение, и как организованная целенаправленная деятельность по нанесению «врагу» того или иного ущерба.

Социальная группа в том случае, если она не является частью других групп и способна к самовоспроизведению, может называться обществом. Основными интегрирующими общество факторами являются политическая власть и культура. Политическая власть интегрирует общество, которое в наиболее элементарном виде можно представить изнутри как систему из двух структурно и функционально взаимосвязанных групп — властующих и подвластных (элиты и массы, политического и неполитического класса и т.п.); в этом измерении индивид позиционирует себя на плоскости власти, идентифицируя себя либо с той, либо с другой группой, отождествляя свое *Я* с *Мы*, оппонирующим *Они* в категориях «высшие — низшие». С другой стороны, культура интегрирует общество как бы извне — оно предстает единым за счет не внутреннего, а внешнего различия — отличия его от других обществ, социально маркируемого той или иной совокупностью культурных артефактов; в этом измерении индивид отождествляет себя с *Мы*, оппонирующим *Они* в категориях «свои — чужие». На политической вертикальной оси координат устанавливаются соотношения «выше — ниже», на культурной горизонтальной — «внутри — снаружи» (ближе к центру — ближе к периферии); в одном случае друг другу оппонируют страты, в другом — этносы.

Можно сказать, что социальная реальность имеет два основных измерения: вертикальное — политическое, и горизонтальное — этническое. В вертикальной плоскости друг другу оппонируют страты, в экономическом отношении конституирующиеся как классы, в правовом — как сословия, в горизонтальной — этносы, социально-психологически противопоставляя при этом себя как *Мы* — оппоненту, категоризируемому и идентифицируемому как *Они*. В роли *Мы* и *Они* в одном случае выступают сословия (в том числе сословия граждан и неграждан), в другом — этносы, причем внутренняя сословная оппозиция снимает (деактуализирует, минимизирует, вытесняет) внешнюю этническую, и наоборот; при этом межэтнические отношения тем толерантней, чем интолерантней межсословные отношения, а межсословные отношения тем толерантней, чем интолерантней отношения межэтнические.

В обществе, политическая организация которого строится на относительно максимальном гражданско-правовом неравноправии групп элиты и массы, вертикальная ипостась оппозиции «мы — они» доминирует над го-

ризонтальной, т.е. противопоставление «высшие — низшие» при идентификации и категоризации индивидом себя и других как членов определенных групп получает приоритет над противопоставлением «свои — чужие». Внутренние различия здесь важнее внешних, сословные градации более значимы, чем этнокультурные различия, правовая гетерогенность важнее этнической гомогенности. При этом для маркировки социальной дистанции между элитой и массой, правящими и управляемыми, господствующими и подчиняющимися используются те же самые артефакты культуры, что обозначают межэтнические границы, так что высшее и низшее (условно) сословия образуют собой нечто вроде квази- или псевдоэтносов, объединяющих в себе соответствующие страты различающихся между собой «настоящих» этносов, сословность как псевдоэтничность надстраивается над собственно этничностью. Политогенез таких социальных структур нередко происходит через завоевание, покорение одного этноса другим и превращение их в сословия, в то же время реальным группонтергирующим фактором здесь является уже не этническая, а сословная принадлежность, сословная идентичность доминирует над этнической, поэтому представители разных этносов легко становятся членами одного сословия.

В противоположном случае, когда политическая организация общества строится на относительно минимальном гражданско-правовом неравноправии, внешние различия получают приоритет над внутренними, этнокультурные — над сословными, этническая гомогенность становится важнее правовой гетерогенности. Здесь этнокультурная принадлежность становится основанием для получения или лишения политических прав, и уже не сословия выступают как псевдоэтносы, а этносы выступают как псевдо-сословия. Внутреннее политическое равенство предусматривает внешнее этническое неравенство — как в реальной практике межэтнических отношений, так и, в еще большей степени, в идеологии, в доктринах националистического и расового превосходства (и, разумеется, во всей разделяющей обществом такого типа системе ценностей).

В социокультурном развитии, которое мы, согласно социологической традиции от Спенсера до Лумана, склонны трактовать как системный процесс взаимосвязанных явлений интеграции, дифференциации и упорядочивания, оппозиция «мы — они» исполняет всю триаду функций, выступая в разных аспектах интегрирующим, дифференцирующим и упорядочивающим социально-психологическим фактором. В ходе развития происходит объединение внешних и разделение внутренних социальных групп, при этом сословная интеграция предполагает этническую дифференциацию, а этническая интеграция — сословную дифференциацию. Служащая средством идентификации и категоризации отдельных индивидов и состоящих из них групп, а тем самым оказыывающая влияние на социальное поведение оппозиция «мы — они» предстает в двух вариантах — в сословном варианте «высшие — низшие» и этническом варианте «свои — чужие», причем эти противопоставле-

ния опосредуют друг друга так, что содержание одной предстает в форме другой, и наоборот. Однако это, используя шпенглеровское понятие, псевдоморфоз: хотя одна оппозиция предполагает другую, они не параллельны, а перпендикулярны, поэтому противопоставление «высшие — низшие» снимает противопоставление «свои — чужие», минимизирует его идентификационный потенциал, и наоборот, так что, чем более выражено одно противопоставление, тем менее выражено другое. Толерантность в сфере межэтнических взаимоотношений и взаимодействий находится в прямой пропорциональности к интолерантности в сфере межсловловых взаимоотношений и взаимодействий, а толерантность в сфере межсловловых взаимоотношений и взаимодействий прямо пропорциональна интолерантности в сфере межэтнических взаимоотношений и взаимодействий. Демократическое общественное устройство предполагает межсловловую толерантность и межэтническую интолерантность, авторитарное общественное устройство, наоборот, предполагает межэтническую толерантность и межсловловую интолерантность. Так как чисто демократические и чисто авторитарные общества представляют собой не реальные социальные организмы, а идеальные типизации, то степень толерантности или интолерантности в межэтнических и межсловловых отношениях определяется тем, каков удельный вес, насколько велика сфера приложения и действия одного или другого способа политической организации в разных сферах жизни каждого данного конкретно-исторического общества. В ходе социокультурного развития два варианта оппозиции «мы — они» находятся в постоянном взаимодействии, в котором расширение сферы функционирования оппозиции «свои — чужие» означает сужение сферы функционирования оппозиции «высшие — низшие» и наоборот, они взаимно снимают и последовательно сменяют друг друга.

Вторая глава носит название «ОТ "СВОИХ - ЧУЖИХ" К "ВЫСШИМ - НИЗШИМ": ПРИМЕР АНТИЧНОСТИ». Для проверки объяснительного потенциала и одновременно для верификации вышеизложенной гипотезы мы прибегаем к историческому анализу социокультурного развития античного (древнегреческого и частично древнеримского) и российского (в основном XVIII — первой половины XIX вв.) обществ. В обоих случаях мы надеемся увидеть, как в корреляции с определенными типами социально-политических структур оппозиция «мы — они» представляла то как межсловловая оппозиция «высшие — низшие», то как межэтническая оппозиция «свои — чужие», как сменяли и снимали они друг друга в ходе социокультурного развития. Однако, чтобы избежать дублирования и одновременно усилить верифицированность нашей гипотезы, при анализе античной истории основное внимание уделено той линии эволюции, которая ведет к снятию оппозиции «свои — чужие» оппозицией «высшие — низшие», а при анализе отечественной истории — противоположной, ведущей к снятию оппозиции «высшие — низшие» оппозицией «свои — чужие», но не обходя при

этом стороной и явления противоположного характера, а также общий исторический контекст - как в диахронном, так и в синхронном отношениях.

2.1. Предыстория периода

Формирование оппозиции «мы - они» происходит в период возникновения человека современного вида и становления родового строя. В условиях дуально-родовой организации, тотемизма и мышления в бинарных оппозициях появляются и развиваются представления о «своем» и «чужом». В эпоху неолита и бронзового века, с появлением языковых семей иprotoэтносов и с возникновением социальной стратификации и эксплуатации, наблюдается отождествление понятий «свой» и «свободный», равно как «чужой» и «раб»: горизонтальная оппозиция «свои - чужие» впервые начинает осмысляться как вертикальная оппозиция «высшие — низшие». Эта динамика прослеживается на примере древневосточных обществ, эволюционировавших от номовых государств к мировым империям (Египет, Месопотамия, Персия, Китай).

2.2. Архаическая Греция. Становление полиса

В архаический период истории древней Греции происходило вытеснение гентильных общественных структур гражданскими, с чем коррелировала эволюция менталитета и идеологии. Сначала доминировала аристократическая идеология с присущим ей противопоставлением «высших» и «низших» и фактическим игнорированием оппозиции «свои - чужие», но по мере формирования гражданской общины-полиса сословная идеология деградировала, а новый уровень противопоставления «своих» и «чужих» снимал старое противопоставление «высших» и «низших». Этот процесс прослеживается на материале поэм Гомера, Гесиода, лирики Алкея, Пиндара, Вакхилла, Феогнида.

2.3. Греция эпохи высокой классики. Расцвет полиса

Полисная организация сняла оппозицию родов, однако на смену ей пришло противостояние гражданской общины, состоявшей из мужчин/землевладельцев/воинов, всему остальному миру как вне городских стен, так и в их пределах. В этот период «чужими», т.е. потенциально или актуально опасными для гражданского коллектива, выступают иностранцы (граждане других полисов), метеки (переселенцы), рабы и даже жены и дети граждан. Разделяющая «свое» и «чужое» граница тщательно маркируется (сакрализируется и табуируется). В то же время возникают институты межполисных связей, что говорит о возрастании оппозиции «свои - чужие» до суперполисного уровня: в ходе греко-персидских войн развиваются представления о коренном, качественном различии «эллинов» и «варваров» и о природном превосходстве первых над вторыми. Возникновение оппозиции «эллины — варвары» относится к послегомеровской эпохе, но наибольшей интенсивности она достигает и получает идеологическую разработку именно в период расцвета полисной гражданственности и демократии в V в. до н.э. Эти процессы анализируются на материале сочинений

Гомера, Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Эсхила, Софокла, Еврипида, Платона, Аристотеля, также Страбона, Секста Эмпирика и др.

2.4. Греция эпохи поздней классики. Кризис полиса

Период от Пелопоннесской войны до начала походов Александра Македонского стал временем кризиса и деградации полиса как господствующего типа социального объединения: полис приходит в упадок под воздействием одновременно и взаимосвязанно активизирующихся суб- и суперполисных структур. В это время межполисная оппозиция «своих - чужих» еще в большей степени снимается панэллинистической идеологией противопоставления «эллинов» и «варваров», и в то же время оппозиция «греки - варвары» начинает терять свою остроту, превращаясь из ментальной установки в идеологический конструкт и орудие пропаганды. Кризис полисной демократии стал одновременно кризисом полисного национализма - коррелята «исономии», гражданского равенства; усиление неравенства означало ослабление оппозиции «свои - чужие» и усиление оппозиции «высшие - низшие», что отражалось и в произведениях драматургов, и в сочинениях философов. Эти процессы прослежены на материале текстов Фукидида, Ксенофонта, Демосфена, Лисия, Эсхина, Гиперида, Ликурга, Диархса, Исократа, Платона, Аристотеля, Тимофея, Еврипида, Аристофана, Менандра, Антифона, также Энея Тактика, Псевдо-Аристотеля, Псевдо-Ксенофонта, Диогена Лаэрция, Плутарха и др.

2.5. Эпоха эллинизма. Закат полиса

В ходе завоеваний Александра Македонского и последующей борьбы диадохов были созданы эллинистические государства. Полис перестает быть единственной формой и способом жизни, и вместе с классическим полисом уходит в прошлое и классическая межполисная оппозиция «свои — чужие». Для политической элиты эллинистической монархии и свободные, и рабы, и аборигены, и метеки, и мужчины, и женщины, и взрослые, и дети в равной мере являются подданными, и это опосредованное равенство всех перед лицом высшего вело к уничтожению прежнего противоречия между гражданским и негражданским населением в политическом, правовом, имущественном и пр. отношениях: оппозиция «высшие - низшие» снимала оппозицию «свои - чужие». Понятие «эллин» становится обозначением носителя определенного социального статуса, сословной, а вовсе не этнической принадлежности; в свою очередь, понятие «варвар» в рамках наиболее популярных философских учений, у писателей и т.д., относится скорее не к происхождению, а к образовательному и морально-этическому облику. Одновременно все более значимой становится оппозиция «высшие — низшие»: киники и кинизирующие писатели прославляют бедность и порицают богатство, то же самое отражается в эпитафиях и др. памятниках. Вышеуказанные процессы и явления прослежены по текстам Аридана, Курция Руфа, Юстина, Плутарха, Диодора Сицилийского, Полибия, Страбона, Аппиана, Тита Ливия, Николая Дамасского, Герода, Мелеагра, Зенодота, Леонида Тарентского, Диогена Лаэрция и др.

2.6. После конца: Эллада и эллины в Римской империи

В римскую эпоху оказывается снятым не только межполисный уровень оппозиции «свои — чужие», но и противопоставление «греков» и «варваров» теряет всякий смысл и превращается в литературный прием, риторическую фигуру или хрестоматийный пример; греки ассимилируются как римлянами, так и разнообразными варварами, и «эллинство» окончательно становится обозначением не этнического происхождения, а образования. В то же время классовая идеология, основанная на противопоставлении «высших» и «низших», становится принадлежностью большинства населения империи, что прослеживается в религиозных представлениях, эпиграфических и изобразительных материалах, в сочинениях самых различных жанров (особенно в баснях и романах). В эпоху домината происходит уже оформление настоящих сословий и формируется сословная идеология; таким образом, оппозиция «мы - они» предстает теперь уже не в форме «свои - чужие», а в форме «высшие - низшие». Здесь использованы тексты Лукиана, Харитона, Марка Аврелия, Луция Аннея Флора, Овидия, Аммиана Марцеллина, Лукана, Марциала, Вергилия, Тита Ливия, Саллюстия, Юлия Цезаря, Цицерона, Ювенала, Элия Спартанца, Плиния Младшего, Геродиана, Плутарха, Эпиктета, Флавия Филострата, Клавдия Элиана, Афинея, Апулея, Гелиодора, Порфирия, Страбона, Диона Хрисостома, Синесия, Вегеция, Федра, Бабрия и др.

Третья глава озаглавлена «**ОТ "ВЫСШИХ - НИЗШИХ" К "СВОИМ - ЧУЖИМ": ПРИМЕР РОССИИ**». В отечественной истории нас интересует главным образом период XVIII — первой половины XIX вв., т.е. эпоха завершения становления, расцвета и начала упадка сословного строя и соответствующей ему идеологии, однако и исторический контекст нельзя оставить без внимания.

3.1. Предыстория периода

После падения Западной Римской империи отношения между германцами и галло-римлянами эволюционировали от модели «свои — чужие» к модели «высшие - низшие»: к IX веку старые этнические оппозиции были сняты новыми сословными, осмыслимыми по схеме oratores - bellatores - laboratores, и в дальнейшем аристократическая идеология строилась на открытом третировании «низших», особенно крестьян. Более мягким было отношение к «низшим» церкви, ибо последняя была занята борьбой с определяемыми по религиозно-конфессиональным критериям «чужими» - иноверцами, еретиками и схизматиками, т.е. православными; византийская церковная и политическая идеология, в свою очередь, включала в себя очень значимый компонент превосходства по отношению к «латинянам» и «немцам», в духе античной традиции определяемым в качестве «варваров».

3.2. Формы оппозиции «мы-они» в древней Руси

На этом историческом фоне началась история Руси. В начале домонгольского периода сохранялись ещеrudименты гентильного самосознания,

где роль «своих» и «чужих» играли племенные союзы, однако по мере того, как социополитическая реальность Киевской Руси стала определяться диархией городских общин-волостей и князей с их дружинами, складывается новая ситуация. Носители той или иной городской идентичности, в полном соответствии с ее демократической основой, воспринимали иногородних как «чужих», зато в дружинно-княжеской субкультуре доминировали представления о «высших» и «низших», в силу чего не только волостные, но и этнические различия игнорировались, что доказывается разноплеменный составом дружины, интернационально-аристократическим характером династических брачных союзов и культуры элиты в целом. Клирики, как и везде, в то же время активно внедряли в массовое сознание оппозицию «свои - чужие», где в ролях последних оказывались иноверцы/иноzemцы - мусульмане, иудеи, католики.

В удельный период, когда русские земли были разделены между Золотой Ордой и Великим княжеством Литовским, ситуация снова изменилась: городская демократия пришла в упадок вместе с городами, знать еще более тесно породнилась с литовскими князьями и ордынскими ханами, церковная организация раскололась на несколько митрополий, а высшие иерархи должны были искать ханской поддержки, так что оппозиция «свои - чужие» на всех уровнях заметно утратила свою интенсивность. Впрочем, после объединения русских княжеств под властью московских князей и складывания социально-политической структуры вотчинного государства эта оппозиция снова интенсифицировалась, однако весьма активно маркировалась и оппозиция «высшие - низшие», прежде всего в сфере бытовой культуры (одежда, жилище, пища): элита манифестировала свое «высокое» положение, заимствуя весьма многочисленные артефакты «чужих» восточных и западных культур.

В результате событий Смутного времени XVII век стал эпохой некоторой демотизации общественной жизни Руси: усилилась роль квазипредставительских учреждений, вступление на престол каждого царя из новой династии Романовых сопровождалось некой имитацией соборного избрания, в политической идеологии зазвучали вариации на тему «царь и народ едины», в культуре и искусстве стали отчетливее выражаться вкусы и представления посада. В результате снова более отчетливой стала оппозиция «свои — чужие», где роль последних теперь играют разнообразные «немцы»; в то же время двор и знать по-прежнему манифицируют свой статус «высших» с помощью инокультурных заимствований, что становится особенно очевидным к концу XVII века.

3.3. От Петра I до Екатерины II: «высшие» и «низшие»

Реформы Петра I положили начало Новой истории России: новой истории нового - сословного - социума. В предшествовавшем типе вотчинного государства тоже существовала развитая ранговая структура, в рамках которой социальная позиция индивида определялась его отношением к службе и

тяглу, однако старомосковские «чины» не были сословиями, так как различались лишь своими обязанностями по отношению к государю, но не своими юридически formalizedными правами/привилегиями. Теперь же начинается дифракция общества и государства и происходит формирование собственно сословного строя, т.е. такой организации социально-политических отношений, когда кристаллизующиеся отдельные социальные группы вступают во взаимодействие друг с другом посредством государственного целого: политическая целостность становится полем соотношений своих имеющих социальную природу частей, и если «чин» был подразделением государства, сословие становится компонентом общества. Главные институты человеческого общежития — власть и собственность, теряют свою исключительно государственную принадлежность и начинают перемещаться в область собственно социальных взаимодействий, где становятся объектом борьбы различных социальных групп, различие которых и обуславливается их отношениями к этому объекту. Если раньше объектом власти и собственности государства, персонализованного в лице государя-вотчинника, было общество в целом, то теперь одни общественные группы осуществляют владение и властевование в отношении других групп, при этом субъект власти и собственности отождествляет себя с государством, а объект власти и собственности отождествляется с подданными — государственный социум превращается в социальное государство. Идет эволюция в направлении складывания принципиально новой ситуации, когда одна социальная группа приобретает власть над другой, превращающейся в собственность первой. Иными словами, процесс становления сословного строя в России, составлявший основное содержание социальной эволюции, начиная с правления Петра I и до правления Екатерины II включительно, имел две стороны: высвобождение дворянства из власти и собственности государства, и установление дворянством своей власти и собственности над людьми и материальными ресурсами государства, т.е. получение им в свое владение и распоряжение земли и крестьян, коррелирующее со все большим «одворяниванием» государства. Дворянство и владельческое крестьянство все больше превращаются в два полюса, две предельно антагонистических страты этой новой социальной структуры; другие сословия и сословные группы — духовенство, купечество, мещанство, государственные и монастырские крестьяне и т.д. располагаются между этими двумя полюсами в качестве широкого спектра состояний, тяготеющих и приближающихся, соответственно, либо к «высшему», либо к «низшему» из них.

Данное направление социальной эволюции четко коррелировало с соответствующим направлением культурного развития, обозначаемого с помощью понятия «вестернизация» и т.п. Стремящееся к достижению «высшего» положения дворянство всеми средствами манифестирует свой исключительный статус, и главным средством здесь было заимствование артефактов и целых институтов «чужой» — западной культуры. В целом мож-

но сказать, что в качестве генеральной результирующей линии социокультурной эволюции данной эпохи следует выделить становление дворянского сословного социума, реализовавшееся в противопоставлении им себя всем остальным социальным группам и слоям, где главным способом утверждения этой оппозиции было усвоение дворянством новой - западной - культуры. Вестернизация русской культуры в период от Петра I до Екатерины II есть коррелят аристократизации социума, складывания сословного строя с присущим ему господством дворянского сословия. Социальная эволюция была содержанием изменений в культуре, культурная эволюция - формой социальных изменений. Вестернизация, охватывавшая двор, дворянство и чиновничество, была способом противопоставления себя господствующим сословием — всем остальным, чье подчиненное положение, сниженный социальный статус выражались в сохранении традиционной культуры. Социальная дифференциация, сословная сегрегация проходили по культурному признаку, культурная сегрегация — по сословному признаку: усвоение западных форм культуры было показателем свободы/господства, неусвоение их, сохранение старой этноконфессиональной русско-православной культуры было показателем несвободы и подчиненности.

Все это подтверждается огромным историко-культурным фактическим массивом. Стратегия дворянства, противопоставляющего себя как «высшее» сословие «низов» с помощью заимствования всего «чужого» («свои» равны, так как они определяются в качестве таковых через отличие от «чужих», а не друг от друга - логическое тождество осмысливается здесь как социальное и политическое равенство; через отличие друг от друга, через неравенство определяются «высшие» по отношению к «низов» и наоборот, взаимно отчуждаясь при этом), очень ярко проявляется на уровне бытовой культуры - в заимствованной одежде, жилище, пище, на уровне подчиняемого заимствованному этикету поведения, в сфере интеллектуальной жизни, где доминируют иностранный язык, иностранные книги, иностранные понятия и концепции. Дворянин становится новым человеком, чужим для представителей иных сословий; они начинают говорить, буквально и семиотически, на разных языках. Но дворянин не только говорил на другом, «чужом» языке; он был иначе, по-чужому одет, иначе передвигался, иначе общался, он занимался деятельностью, чужой и малопонятной для остального народа, он думал о другом и по-другому - он жил в ином мире, новом и чужом для всех недворян. Усиливая свое господство над недворянами, русский дворянин логически-неизбежно переставал быть русским и становился не-русским - европейцем; российское дворянство становилось частью общеевропейского дворянского мира, и культура российского дворянства становилась частью общеевропейской дворянской культуры. Сословное единство господствовало над этноконфессиональными различиями: сословная принадлежность была качественно более значимой, чем этническая и/или конфессиональная. Дворянство было сосло-

вием, и потому не имело национальности, а имело подданство, службу и язык, сменить которые в большинстве случаев не составляло особого труда; национальной идентичности в условиях сословного строя и династического государства вообще было не на чем возникнуть, поэтому с определением национальности как отдельных личностей, так и больших социальных групп для этого периода имеются значительные затруднения.

3.4. От Екатерины II до Николая I: «свои» и «чужие»

В течение второй половины взятого для анализа периода отечественной истории вектор социокультурной эволюции изменил свое направление в прямо противоположную сторону: от сословного строя с присущим ему доминированием оппозиции «высшие — низшие», к гражданскому, национально-демократическому обществу с присущим ему доминированием оппозиции «свои — чужие». В это время положение двух основных страт/сословий, т.е. дворянства и владельческого крестьянства, решительным образом меняется. Относительная численность дворянства в течение рассматриваемого периода увеличилась почти в 3 раза, причем это увеличение было на 50% обеспечено за счет социальной мобильности, так что к середине XIX в. почти 2/3 всего российского благородного сословия имело дворянское звание не по праву рождения, а за службу (по чину, по ордену, университетскому диплому и т.д.). Изменился не только персональный состав дворянского сословия: его исключительный правовой статус ушел в прошлое, ибо часть привилегий, которые имели раньше только дворяне, теперь получили другие сословные группы — гильдейские купцы, почетные граждане, православное духовенство. С другой стороны, политические и личные права дворянства стали ограничиваться государством, и еще в большей степени государство стало стеснять права дворян на имущество, труд и личность своих крепостных: с начала правления Павла I и до конца правления Николая I соответствующие указы шли сплошной чередой, были проведены некоторые мероприятия по локальной отмене крепостного права, относительная численность крепостных сократилась почти в полтора раза. Экономическое положение дворянства тоже сильно ухудшилось — помещики разорялись, закладывали своих крепостных и т.д. В целом к концу периода дворянство перестает быть политическим и государствообразующим классом: и дворянин, и крестьянин все больше уравниваются в качестве подданных, в то время как государство «раздворяется»; сословная принадлежность уже не является тем фактором, который однозначно позиционирует данного конкретного индивида в системе отношений господства и подчинения, и наоборот, властные структуры не считаются с сословной принадлежностью лица.

Обратной стороной процесса деградации сословного строя являлся процесс становления гражданского общества. Классический мир дворянства был миром семейно-родовых отношений, отношений соседства, гостеприимства, товарищества по школе и службе; другой стороной жизни дворянского сословия была служба, причем официальные служебные и частные

родственно-товарищеские отношения теснейшим образом переплетались друг с другом. Однако, начиная с екатерининской эпохи, наряду с миром официальным и миром приватным стали возникать такие социальные формы, которые ни по генезису, ни по функциям не имели никакого отношения ни к службе, ни к семье; это был «третий мир» — мир общественной жизни. Определяющей характеристикой этого мира стало то, что он не основывался на «естественных» семейно-родственных структурах и связях, и в то же время не формировался извне — государством, в собственных целях последнего; новые формы социальности как раз и отличались тем, что они создавались теми или иными лицами и группами самостоятельно, по своей собственной инициативе. Участие в деятельности таких структур не приносило денег, земель, крепостных душ, чинов и т.д.; наоборот, обычно это требовало некоторых расходов и определенных жертв, и могло как способствовать семейному процветанию и успешной карьере, так и препятствовать последним. Поэтому тот факт, что все большее и большее количество людей соглашалось принести такого рода жертвы, говорит о все большем и большем стремлении к выходу за пределы семьи и службы, к обретению себя не в качестве чьего-то родственника и чьего-то подданного, а в качестве независимого социального актора, свободного члена гражданского общества.

Примерами таких принципиально новых форм социальности, ростков гражданского общества, являются масонские, преддекабристские, собственно декабристские организации, в идеологии которых выкристаллизовывалась идея народного суверенитета, клубы, салоны, литературные, музыкальные и прочие кружки, общества, собрания и т.п. У определенной части дворянства, прежде всего в гвардейском и армейском офицерском корпусе, складываются новые представления о сущности своей деятельности, которая начинает рассматривается не как служба государю, а как общественное служение; в результате появляются «лишние люди», мотивация которых, представления о чести и достоинстве все больше расходятся с окружающей социально-политической реальностью. Мир государства сокращается, съеживается, а мир общества разрастается, и эти миры все больше не совпадают друг с другом: индивид, занимающий высокие позиции в одном, может иметь низкий статус в другом, и наоборот — речь идет еще не о суверените, но уже об авторитете. Общественное мнение становится влиятельной силой, заставляющей считаться с собой всех, вплоть до императора.

Гражданское общество развивалось на основе дворянского социума; но дело к этому не сводилось. Гражданское общество было больше дворянского сословия — больше на тех, кто не был дворянином, но становился гражданином. А таких действительно становилось все больше и больше, причем речь идет не о почетных гражданах и не о «гражданах»-горожанах; речь идет о людях, получивших образование, ибо «общество», «образованное общество» и «гражданское общество» — это фактически одно и то же. Благодаря образовательным реформам Екатерины II, Александра I и Нико-

лая I количество учебных заведений, учащихся и, главное — выпускников, быстро увеличивалось: количество людей, получавших то или иное образование, увеличилось за время с конца правления Петра I до конца правления Николая I в 25 раз. При этом в целом число учащихся — недворян пре-восходило число учащихся - дворян в три-четыре раза, поэтому образованное общество к концу рассматриваемого периода осталось дворянским лишь примерно на четверть. О повышении удельного веса образованной или хотя бы грамотной части населения говорит резкое увеличение объемов письменной корреспонденции, количества издаваемых книг и журналов, общественных библиотек и т.д. В результате резко вырос книжный рынок, что привело к качественному изменению статуса и значения литературной деятельности: с пушкинских времен литератор мог уже жить не за счет службы и/или оброка, а за счет гонораров за свои произведения, и это и стало материальной основой «золотого века» русской литературы.

Развитие этого «печатного капитализма» создавало условия для конструирования «воображаемого сообщества» нового — национально-демократического типа, причем демократизм и национализм были здесь двумя сторонами одного явления. Образованное общество и сама книжно-журнальная субкультура демократизировались (как в персональном отношении, так и в отношении системы ценностей) и тем самым национализировались: дело в том, что если еще в 20-е гг. XIX в. образованное общество, бывшее еще в большей части дворянским, не только говорило, но и думало на иностранных языках (в основном на французском), да и вообще хранило традиции наднациональной аристократической культуры, то к середине века ситуация меняется. Еще в начале XIX в. на изучение классических и новых языков в государственной школе отводилось в пять раз больше учебного времени, чем на изучение русского, но уже к середине столетия на русский язык выделялось от половины до двух третей того количества часов, которое выделялось на иностранные языки; главное же заключалось в том, что иностранные языки изучались только в превращенных Николаем I в полусословные дворянские школы гимназиях, в то время как в остальных типах школ преподавался только русский. В результате с каждым годом в стране становилось все больше людей, получивших специфически-национальное образование, людей, которые обладали определенной целостной системой знаний, но не владели иностранными языками. В этом новом образованном обществе постепенно тонуло и растворялось старое «хорошее» общество, для которого образование в первую очередь означало изучение иностранных языков, что позволяло получившим такое образование людям читать, говорить и даже думать на них не хуже и не реже, а порой чаще и лучше, чем на русском. Теперь все наоборот, так что даже выдающиеся деятели культуры могут не знать иностранных языков или плохо владеть ими, они замыкаются в русскоязычном мире и сами его продуцируют и расширяют, так что русскоязычная культура становится настолько объемной, что в подавляющей массе са-

мых разнообразных сфер и случаев ее носитель/потребитель уже не испытывает настоятельной необходимости в выходе за ее пределы; так процесс демократизации оборачивается процессом национализации.

В результате всего этого идентификация индивидов и групп в рамках вертикальной оппозиции «высшие - низшие» уступает место идентификации в рамках горизонтальной оппозиции «свои - чужие». Уже в правление Екатерины II появляются первые зачатки националистической идеологии — как правило, тем или иным образом связанной с либерально-демократическими взглядами (Новиков, Фонвизин, Крылов и др.), затем следует резкий подъем в период антинаполеоновских войн, а уже в начале правления Николая I национализм становится официальной идеологией - по крайней мере, в части пропаганды превосходства всего «своего» над «чужим», т.е. западноевропейским. Причем и оппозиционные идеологии в основном были едины с официозом, а именно в том, что Россия и Европа начинают противопоставляться как два качественно различных мира; дело заключалось не в артикуляции тех или иных положений, а в процессе смены идентификации и категоризации окружающих в параметрах оппозиции «высшие - низшие» на идентификацию и категоризацию в параметрах оппозиции «свои — чужие». «Свое» и «чужое» у западников и славянофилов были разными, хотя в равной мере надуманными, идеализированными и просто сконструированными, однако и те, и другие мыслили именно в категориях нации, а не сословия, национальной культуры, а не сословных прав. И те, и другие воспринимали мир дихотомично и ассоциировали добро и зло не со шляхетским «благородством» и мужичьей «подлостью», а с западноевропейской новацией и древнерусской традицией, только то, что у одних рассматривалось как минус, другими воспринималось как плюс. В этом отношении и славянофильство, и западничество, и теория «официальной народности» стояли на одном и том же фундаменте все более распространяющейся социальной идентичности нового «горизонтального» типа - хотя на этом едином фундаменте проправительственные идеологии, западники и славянофилы и возводили сильно различающиеся конструкции.

Четвертая глава «СОВРЕМЕННЫЙ МИР: ВЕКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ» представляет собой попытку применить изложенную и верифицированную выше теорию об оппозиции «мы - они» в социокультурном развитии к анализу уже не того или иного конкретно-исторического общества, а сегодняшнего состояния и возможных путей эволюции современного мира в целом; наше предположение заключается в том, что распространившая свое влияние на весь мир современная евроамериканская цивилизация находится сегодня на том отрезке социокультурной эволюции, на котором оппозиция «свои - чужие» снимается и сменяется оппозицией «высшие - низшие».

4.1. Феномен глобализации

Для обоснования этого предположения нам необходимо обратиться к анализу наиболее важных тенденций развития современного мира, и первое,

что привлекает наше внимание — это феномен глобализации. Глобализация — явление многомерное и многоаспектное, к тому же по-разному оцениваемое; прежде всего, речь идет о том, что в последние десятилетия такие сферы, как экономика, финансы, транспорт и связь, активно интегрируются в структуры общемирового - глобального - масштаба. Источником и заинтересованной стороной во всех глобализационных процессах выступает небольшая группа высокоразвитых государств Запада во главе с США, а все остальные страны и народы не столько получают, сколько теряют в результате реализации инициатив этой группы. На протяжении последних десятков лет наблюдается усиливающееся неравенство, разрыв в уровнях развития богатых и бедных стран; львиная доля передовых технологий, капиталов, торговых обменов приходится на несколько наиболее развитых и богатых стран мира, в то время как уровень благосостояния в развивающихся странах не увеличивается, а снижается. Мир Запада, Севера, «золотого миллиарда» с его популярными идеологемами «открытого общества» на самом деле вообще становится все более и более закрытым и обособленным, и это касается не только иммиграции, но и торговых и инвестиционных потоков. Однако эта экономическая обособленность не сопровождается внешнеполитическим изоляционизмом, а, наоборот, сочетается со все более возрастающим внешним экспансионизмом, которым особенно отличаются Соединенные Штаты Америки. Резкое усиление могущества США вызывает обеспокоенность, раздражение, а то и открытую ненависть практически во всем мире, но больше всего в развивающихся странах, и особенно - в исламских государствах, следствием чего становится чередование террористических актов и антитеррористических операций. В то же время в рамках самого западного мира происходит регенерация этнических и конфессиональных идентичностей, что ведет к усилению конфликтного противостояния различных локальных субъектов: дело в том, что между глобализацией и очевидным усилением этнических, конфессиональных, локальных конфликтов существует определенная связь, так что среди аналитиков крепнет уверенность в том, что глобализация — это не универсализация и гомогенизация, а, наоборот, фрагментация и локализация («фрагмеризация»). Суть этого «глобального парадокса», на наш взгляд, заключается в том, что внешнее объединение предполагает внутреннее раздробление, и гомогенизация по одному параметру оборачивается гетерогенизацией по другому - прямые аналогии этому мы встречаем, например, в той же античной истории, однако вместо полисов объединяются/дробятся теперь национальные государства.

4.2. Национальное государство: начало конца

Уже с середины XX века начали появляться предсказания о том, что нация-государство в недалеком будущем должна исчезнуть, уступив место мировой империи, мировому правительству или новому мировому порядку (К. Ясперс, А.Дж. Тойнби, А. Печчеи, Э. Пестель, И. Валлерстайн, Р. Арон, Д. Белл, Ю. Хабермас и др.). Пока дело до этого еще не дошло, но эрозия национального суверенитета сегодня приобретает глобальные масштабы, ибо

является одним из важнейших аспектов глобализации. Многочисленные ТНК, МНК, международные неправительственные организации превосходят по своим масштабам и влиятельности многие национальные государства, и в своей деятельности все больше нарушают суверенитет последних. Объективно заинтересованными в дискредитации и деструкции национального государства как типа социальной организации силами выступают в первую очередь финансовые и финансово-промышленные группы, ТНК и МНК, базирующиеся в странах ОЭСР и, прежде всего, - в США; однако при этом нельзя забывать, что сами США в этом отношении выступают не как нация-государство, а как некий симбиоз национального государства и наднациональных структур. Речь сегодня идет не о мировой империи или мировом правительстве, а о том, что национальные правительства явочным порядком оказываются поставленными перед фактом, что их функции все больше превращаются лишь в одну из подсистем глобальной системы управления. Возникает так называемая «поствестфальская система» международных отношений - речь идет в первую очередь об ограничении суверенитета развивающихся и переходных национальных государств, в целом же можно говорить о становлении нового, постнационального политического порядка.

Согласно нашей теории, национальное единство предполагает внутреннюю гомогенность и внешнюю гетерогенность, т.е. преобладание оппозиции «свои - чужие» над оппозицией «высшие - низшие», при котором равноправие граждан выступает оборотной стороной неравноправия наций, равенство «своих» сообщает им позицию превосходства над «чужими». Противоположным или, точнее, перпендикулярным национальному типом социальной организации выступает сословный, при котором внутреннее неравенство снимает внешнее, и оппозиция «высшие - низшие» доминирует над оппозицией «свои - чужие». В этом плане закономерно встает вопрос: если сегодня наблюдается деградация нации-государства, не говорит ли это о начале одновременного и взаимосвязанного процесса становления некого нового сословного или квазисословного строя?

4.3. Новое неравенство: от классов - к сословиям?

Существует значительное количество данных, указывающих на то, что в высокоразвитом информационном или постиндустриальном обществе наблюдается усиление социальной поляризации: в самых богатых странах мира социальное неравенство, несмотря на огромные бюджетные затраты на социальные пособия и иные формы поддержки малоимущих, с 80-х и особенно с 90-х гг. не снижается, а возрастает. Очевидно, в этом процессе находят свое выражение определенные объективные закономерности социально-экономического развития; действительно, многие исследователи (В.Л. Иноземцев и др.) считают, что информационное общество так же, как и индустриальное, делится на классы, но это классы нового типа - класс интеллектуалов и андеркласс. В постиндустриальном обществе наиболее важным ресурсом становится не труд и не капитал, а способность

усваивать и создавать знания; лица и группы, обладающие наивысшим уровнем образования, занимаются фактически не производством, а творчеством, однако в результате этого получают в свое владение и распоряжение все большую часть производимых благ, в то время как работники с низким уровнем образования получают все меньшую реальную заработную плату за свой труд и оказываются за чертой бедности, даже имея постоянную работу. Средний класс, бывший основным и наиболее многочисленным в развитом индустриальном обществе, в условиях постиндустриального общества проявляет выраженную тенденцию к разложению, к дифференциации между представляющим собой новую элиту интеллектуальным классом и низшим андерклассом.

В постиндустриальном обществе, как и в любом другом классовом обществе, неизбежен классовый конфликт: в усиливающемся противостоянии на одной стороне располагается класс людей, способных продуцировать информацию и знания, выступающие на современном уровне развития технологии наиболее важным и редким ресурсом, а на другой стороне - класс людей, которые по тем или иным причинам на это не способны. Высшая и низшая страты постиндустриального общества различаются интеллектуальным потенциалом, мотивацией деятельности, системой ценностей; они в гораздо большей степени отчуждены друг от друга, чем основные классы индустриального и аграрного общества, и это взаимное отчуждение будет только нарастать по мере дальнейшего социально-экономического развития. Новый классовый конфликт может стать реальным уже через несколько десятилетий: пассивность и инертность андеркласса поддерживаются системой социального обеспечения, и достаточно существенно сократить последнюю, чтобы вывести ситуацию из равновесия.

Понятно, что ни одно демократическое правительство не решится на то, чтобы упразднением или резким сокращением системы соцобеспечения восстановить против себя третью, а то и большую часть граждан, но это вполне может сделать недемократическое правительство; с другой стороны, можно предполагать такое развитие событий, при котором та же самая цель может быть достигнута иным путем, а именно - за счет лишения гражданских прав определенной части населения, что будет означать не что иное, как начало становления нового сословного или квазисословного строя. Этот процесс фактически уже начался, хотя интерпретируется он еще не в вертикально-сословных, а в горизонтально-национальных категориях: речь идет об ужесточении практики представления гражданских прав иммигрантам, основная масса которых является не чем иным, как составной частью андеркласса, и об углубляющемся расколе между гражданами и негражданами. С другой стороны, новые элиты - финансовые, политические, интеллектуальные, по ряду признаков уже сегодня весьма напоминают старинное дворянство, прежде всего своим интер- и наднациональным персональным составом, многоязычием, стилем жизни, психоло-

гией и т.д. Можно предположить, что рано или поздно составляющий основу наднациональной глобальной элиты интеллектуальный класс всем ходом социально-экономического, социально-политического и социокультурного развития окажется поставленным перед необходимостью политически самоконституироваться, т.е. легализовать, юридически оформить свое фактическое привилегированное положение и тем самым, не переставая быть господствующим классом, превратиться в господствующее словие. Понятно, что явление такого масштаба должно быть революционным, и это действительно может быть только революцией — изменением существующего политического устройства, т.е. демократии.

4.4. Судьба демократии

Впрочем, и сегодня семантика понятия «демократия» в современных интерпретациях решительно противоречит его этимологии: демократия — это чуть ли не все, что угодно, только не «народовластие», не власть народа. Прямая демократия в Новое и, тем более, в Новейшее время нигде не существовала и не существует в качестве формы государственного правления, а существующая представительская демократия не является народовластием, т.е., собственно, «демократией» в классическом/античном смысле этого слова. Современная демократия — это не власть народа и даже не власть большинства, это власть меньшинства над большинством, власть элиты над массой, предлагающая политическое равноправие граждан лишь в плоскости избирательной процедуры и в момент выборов (Парето, Москва, Шумпетер и др.). Демократия и элита не противоречат друг другу, они, наоборот, скорее предполагают друг друга, так как демократическое устройство еще в большей степени, чем любое другое, зависит от выдвигаемых элитой лидеров.

На практике оказывается, что даже самые образцовые демократические общества — это общества реального политического неравенства, в которых право принятия решений, жизненно важных для миллионов человек, принадлежит нескольким сотням или тысячам человек. Массы избирателей могут отдавать свое предпочтение тем или иным представителям элиты, но сама элита от этого не становится существенно более широкой, ее удельный вес немногим отличается от той доли, которую составляли и составляют господствующие/правящие классы в недемократических системах. Однако еще более значимым представляется то, что сама демократическая избирательная система, какой бы реально далекой от истинного института народовластия она не была, сама формируемая таким образом совокупность органов государственной власти, вообще всех выборных учреждений всех ветвей власти, составляет лишь незначительный сегмент разветвленной системы недемократических (в смысле «электоральной демократии») политических институтов.

В международных и межгосударственных отношениях последнего времени наблюдается устойчивое нарастание тенденций авторитаризма и

иерархизма; при этом надо учитывать тот факт, что внешние межгосударственные отношения все больше превращаются во внутренние — внутриглобальные, и то, что сегодня характерно для отношений между народами, завтра станет характеризовать отношения между стратами. Надо учитывать, что политическая новация часто не уничтожает традицию, а как бы «снимает» ее, и с демократией происходит то же самое, что и с национальным государством: все вроде бы остается на своих местах - выборы, парламенты, президенты, разделение властей, права и свободы, но все это все больше теряет реальное значение и превращается в юридико-административные фикции, аналогичные древнеримским комициям в эпоху принципата. Основные характеристики демократического национального государства сегодня утрачиваются: национальная независимость сменяется глобальной взаимозависимостью и эрозией национального суверенитета, всеобщая воинская повинность сменяется профессиональной армией, гражданство отчуждается от деятельности государства, и политическая воля вступает в противоречие с культурными традициями, о чем свидетельствуют явления мультикультурализма, политкорректности и т.п.

4.5. Оппозиция «мы - они» на современном этапе социокультурного развития: от «своих - чужих» к «высшим — низшим»

В самом начале настоящего исследования, анализируя проблему толерантности, мы приводили и комментировали мнение М. Уолцера о том, что древнейшим и наиболее долго существовавшим типом толерантного режима являлись многонациональные империи, где терпимые отношения между различными этнокультурными и религиозно-конфессиональными группами, обладавшими той или иной степенью политico-правовой автономии, устанавливались и поддерживались равноудаленной от всех групп имперской бюрократией, выражавшей интересы господствующего и правящего класса; в отличие от этого, в либеральных и демократических режимах национальных государств господствует толерантное отношение к индивидам, но не к группам, к гражданам, но не к организованным меньшинствам. Исходя из этого, мы можем заключить, что распространение сегодня идеологии толерантности, политкорректности и мультикультурализма выступает не чем иным, как коррелятом эволюции от демократии к авторитаризму и от относительно минимально стратифицированного в политico-правовом отношении общества к социуму квазисословного типа.

В западных странах и особенно в США сегодня наблюдается конфликт между правами человека и правами групп: как понятие свободы вытесняется понятием блага, так и понятие прав индивида вытесняется понятием групповых прав, что является непосредственным следствием идеологии и политической практики мультикультурализма. Расовые, этнические и пр. меньшинства выступают за предоставление им особых групповых прав, и добиваются на этом пути значительных успехов, выражаяющихся во введении разного рода льгот, квот при получении образования, трудоустройстве,

пропорционального представительства в органах власти и др. Этот коммунитаризм явно противоречит либеральной традиции, основывающей политическое устройство не на групповой, а на индивидуальной идентичности, и очевидно разрушает ее, так что нация-государство постепенно превращается в сегментированное общество, состоящее из юридически различающихся своими правами групп - т.е., фактически, сословий или квазисословий.

Мы говорили, что для членов общества, относительно максимально стратифицированного в политико-правовом отношении - условно говоря, сословного общества, приоритетным типом позитивной социальной идентичности, которая всегда обеспечивается позицией превосходства какого-то «мы» над каким-то «они», будет идентификация себя в рамках оппозиции «высшие — низшие», и такое общество не будет ни национальным, ни демократическим. Представляется, что вектор развития сегодня направлен именно в эту сторону, от национально-демократической оппозиции «свои - чужие» к сословной оппозиции «высшие - низшие». Можно сказать, что мы находимся еще в самом начале пути, ведущего от оппозиции «свои - чужие» к оппозиции «высшие - низшие», однако мы уже движемся по нему: по мере развития процесса глобализации, когда все социально-политические институты «внешнего» предназначения будут приобретать «внутренний» характер, когда произойдет окончательная деактуализация иdereализация как национального, так и народного суверенитета, вертикальные структуры стратификации, вертикальные принципы социального объединения не могут не приобрести приоритет по отношению к горизонтальным группам, отношениям и структурам.

В *Заключении* диссертации подводятся общие итоги исследования, формулируются выводы и обобщения, носящие принципиальный характер, показываются перспективы дальнейшей разработки исследуемой проблемы.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях:

Монографии

1. Оппозиция «мы - они» в социокультурном развитии. В двух частях. Часть I. - Воронеж: ОАО «Центрально-Черноземное книжное издательство», 2004. - 30 п.л.
2. Оппозиция «мы - они» в социокультурном развитии. В двух частях. Часть II. - Воронеж: ОАО «Центрально-Черноземное книжное издательство», 2004. - 36 п.л.
3. Диалектика социума. Опыт построения структурно-эволюционной модели социокультурного континуума. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2003. - 19,5 п.л.

Учебные пособия

- 4.** История России и мировая цивилизация. Учебное пособие. - Воронеж: ВГАУ, 1997.-21,5 п.л. (в соавторстве: 13,6/21,5 п.л.)
- 5.** История русской культуры с древнейших времен до XVII века. Учебное пособие. - 2-е изд. Рекомендовано Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений. — Воронеж: ВГАУ, 1997. - 18,1 п.л. (в соавторстве: 6,1/18,1 п.л.)
- 6.** История культуры древней Руси. Учебное пособие. — Воронеж: ВГПУ, 1995.-15,8 п.л.

Статьи, тезисы докладов

- 7.** В тесноте... (Об одной характерной черте русской традиционной бытовой культуры // Вопросы истории, 2005, № 1. - С. 137-144 (0,9 п.л.)
- 8.** Кунсткамера Петра I: российский музей как форма и институт социокультурных изменений // Общественные науки и современность, 2003, № 5. - С. 160-170 (0,9 п.л.).
- 9.** Зарплата российского профессора в прошлом, настоящем и... будущем // Alma Mater, 2003, № 4. - С. 33-42 (0,8 п.л.).
- 10.** Русская культура питания в первой половине XVIII века // Вопросы истории, 2003, № 3. - С. 146-152 (0,8 п.л.).
- 11.** Материальное положение учителей в дореволюционной России // Педагогика, 2004, № 7. - С. 65-75 (0,9 п.л.) (В соавторстве: 0,9/0,5).
- 12.** О движении и покое // Философия и общество, 2004, № 3. - С. 136-142 (0,4 п.л.).
- 13.** Институт школы: социокультурное измерение // Alma Mater, 2003, № 2. - С. 51(0,1 п.л.).
- 14.** «Свое/чужое» как «высокое/низкое»: оппозиция «мы - они» в социокультурном развитии России первой половины XVIII века//Философские и психолого-педагогические проблемы нравственной жизни личности: Материалы международной научно-практической конференции, 26 — 27 сентября 2003 года. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2003. - С. 115-142 (1,8 пл.).
- 15.** Оппозиция «мы - они» в социокультурном развитии // Философская и правовая мысль: Альманах. Вып. 5. — Саратов-Санкт-Петербург, 2003. - С. 280-304 (1,6 пл.).
- 16.** Парадигма релятивности: примеры и выводы // Молодые философы Воронежа: Сборник научных трудов. Вып. 2. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2003. — С. 68-92 (1,6 п.л.).
- 17.** О направлениях социокультурного развития России в первой половине XVIII века // Центральное Черноземье в XX веке: Межвузовский сборник научных трудов. - Липецк: Липецкое издательство, 2000. - С. 94-115 (1,4 п.л.).

18. Социальная эволюция вотчинного государства // Материалы научной и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Воронежского государственного аграрного университета им. К.Д. Глинки. - Воронеж: ВГАУ, 2003. - С. 36-53 (1,2 п.л.).
19. Столица как кумуляционный институт культуры: Петербург в русской культуре первой половины XVIII в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства России: Межвузовский сборник научных трудов. - Воронеж, 2001. - С. 69-85 (1,1 п.л.).
20. «Свои» и «чужие» в античности // Материалы научной и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Воронежского государственного аграрного университета им. К.Д. Глинки. - Воронеж: ВГАУ, 2004. - С. 92-106 (0,9 п.л.).
21. Структура эволюции античного социума // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. Вып. 7. - Воронеж: ВГАУ, 2003. - С. 127-139 (0,8 п.л.).
22. Социальная структура вотчинного государства // Материалы научной и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Воронежского государственного аграрного университета им. К.Д. Глинки. - Воронеж: ВГАУ, 2003. - С. 25-35 (0,8 п.л.).
23. Историко-культурная определенность социума // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. Вып. 5. - Воронеж: ВГАУ, 2002. - С. 290-301 (0,8 п.л.).
24. Петровские реформы как социогенный процесс // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. Вып. 3. - Воронеж: ВГАУ, 2000. - С. 322-334 (0,8 п.л.).
25. Судьба демократии в глобализующемся мире // Актуальные проблемы гуманитарных, социально-политических наук: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск VII. - Воронеж: ВГАУ, 2004. - С. 75-85 (0,7 п.л.).
26. «Мы» и «они» // Материалы научной и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Воронежского государственного аграрного университета им. К.Д. Глинки. - Воронеж: ВГАУ, 2004. - С. 84-92 (0,6 п.л.).
27. От «своих - чужих» к «высшим — низшим»: оппозиция «мы - они» на современном этапе социокультурного развития // Материалы научной и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Воронежского государственного аграрного университета им. К.Д. Глинки. - Воронеж: ВГАУ, 2004. - С. 106-115 (0,6 п.л.).
28. Кризис национального государства как составная часть феномена глобализации // Актуальные проблемы гуманитарных, социально-

политических наук: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск VII. - Воронеж: ВГАУ, 2004. - С. 37-45 (0,6 п.л.).

29. Интроинтенциональность социума и интериоризация личности // Философские и психолого-педагогические проблемы нравственной жизни личности: Материалы международной научно-практической конференции, 26 - 27 сентября 2003 года. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2003. - С. 60-68 (0,6 п.л.).

30. Русский город первой половины XVIII в. как кумуляционный институт культуры // Центральное Черноземье России в первой половине XX века: Межвузовский сборник научных трудов. - Липецк: Липецкое издательство, 2000. - С. 22-30 (0,6 п.л.).

31. Модусы, модальности, модели: концептуальные предпосылки анализа социума // Материалы научной и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Воронежского государственного аграрного университета им. К.Д. Глинки. - Воронеж: ВГАУ, 2003. - С. 87-93 (0,5 п.л.).

32. О некоторых маргинальных группах в составе российского социума первой половины XVIII века // Центральное Черноземье в годы Великой Отечественной войны: Межвузовский сборник научных трудов. - Воронеж: ВГАУ, 2000. - С. 107-114 (0,5 п.л.).

33. Демократизация образования и становление национальной культуры в России XIX века // Актуальные проблемы совершенствования преподавания культурологии и культурологических дисциплин в высшей школе: Материалы городской научно-методической конференции. - Воронеж: ВГУ, 2004. - С. 75-80 (0,4 п.л.).

34. Диалектика общественного развития // Современные гуманитарные исследования: Сборник научных трудов. Вып. 1. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2004. - С. 1-6 (0,4 п.л.).

35. Панэллинизм как пример политической мифологии // Бренное и вечное: образы мифа в пространствах современного мира: Материалы Всероссийской научной конференции. (28 - 29 сентября 2004 г.). - Великий Новгород, 2004. - С. 263-268 (0,4 п.л.).

36. О некоторых структурных характеристиках традиционного крестьянского социума (на примере России XVIII в.) // Аграрная Россия: история и современность: Межвузовский сборник научных трудов. - Воронеж: ВГАУ, 2002. - С. 3-8 (0,4 п.л.).

37. Об освещении некоторых вопросов российско-немецких взаимоотношений при преподавании истории в вузе (проблема «бироновщины») // Россия и Германия в ХХ веке: Межвузовский сборник научных трудов. - Воронеж: ВГАУ, 1999. - С. 159-164 (0,4 п.л.).

38. Культура и культуры // Современные гуманитарные исследования. Сборник научных трудов. Вып. 2. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2004. - С. 96-99 (0,3 п.л.).

39. Возникновение оппозиции «греки - варвары» в античной Греции // Человек и общество: история и современность: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. - Воронеж: ВГПУ, 2004. - С. 29-32 (0,3 п.л.).
40. Вотчинное государство - сословный строй - гражданское общество - ?// Законы управленческой сферы общества//Материалы VII Международной ярмарки идей: XXXII Академический симпозиум. — Н. Новгород, 2004.-С. 68-72 (0,3 п.л.).
41. Община, общество, государство и культура в России XVIII - первой половины XIX веков // Русская культура в начале III тысячелетия: Материалы международной научно-практической конференции, 21 - 22 мая 2003 г. (Воронеж). - Воронеж: ВГТА, 2003. - С. 191-194 (0,3 п.л.).
42. О метафизических предпосылках культурологического анализа // Современная культурологическая подготовка студентов: перспективы профессиональной ориентации: Материалы городской научно-методической конференции. — Воронеж: ВГУ, 2003. - С. 56-59 (0,3 п.л.).
43. Логика социальной эволюции // Достижения аграрной науки в начале XXI века: Материалы научной и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Воронежского государственного аграрного университета им. К.Д. Глинки. - Воронеж: ВГАУ, 2002. - С. 17-20 (0,3 п.л.).
44. Музей как трансляционный институт культуры // Актуальные проблемы гуманитарных социально-политических наук: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск Ш. - Воронеж: ВГАУ, 2000. - С. 37-40 (0,3 п.л.).
45. Об одном культурологическом предрассудке // Проблемы преподавания культурологии в высшей школе: Материалы межвузовской конференции. - Воронеж: ВГУ, 2000. - С. 40-43 (0,3 п.л.).
46. Место и значение оппозиции «мы - они» в социокультурном развитии // Современные гуманитарные исследования: Сборник научных трудов. Вып. 2. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2004. - С. 1-3 (0,2 п.л.).
47. Издательство как трансляционный институт культуры: русское книгопечатание в эпоху Петра I // Человек и общество: история и современность: Межвузовский сборник научных трудов. - Воронеж: ВГПУ, 2003. - С. 20-22 (0,2 п.л.).
48. Диалектика межпоколенческих отношений и социальное развитие // Законы педагогики: Материалы VI Международной ярмарки идей: XXXI Академический симпозиум. - Н. Новгород, 2003. - С. 211-214 (0,2 п.л.).
49. Библиотека как трансляционный институт культуры // Социально-экономические и гуманитарные проблемы российского общества: Сборник научных трудов. Вып. 1. - Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2002. - С. 70-72 (0,2 п.л.).
50. Школа как трансляционный институт культуры // Тезисы докладов на научной и учебно-методической конференции профессорско-

преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов ВГАУ. Секция кафедры истории Отечества. -Воронеж: ВГАУ, 2001. - С. 22-24 (ОД п.л.).

51. Об одной группе ценностей новоевропейской цивилизации // Возрождение России: проблема ценностей в диалоге культур: Материалы второй Всероссийской научной конференции. - Нижний Новгород: ННГУ, 1995.-С. 29-31 (0,2 п.л.).

52. История и культура: проблема соотношения // Цивилизационный подход к истории. Проблемы и перспективы развития: Тезисы межвузовской научно-практической конференции. - Воронеж: ВПТУ, 1994. - С. 31-33 (0,2 п.л.).

53. Человек в системе культуры // Человек в системе сфер общественной жизни: Тезисы докладов к XXII Академическому симпозиуму Нижегородского философского клуба. - Нижний Новгород: НАСА, 1994. - С. 83-86 (0,2 п.л.).

54. Диалектика абсолютного и относительного в социокультурном развитии // Какой должна стать теория развития: Тезисы докладов республиканской научной конференции. - Пермь: ПТУ, 1994. - С. 55-58 (0,2 п.л.).

55. Оппозиция «мы - они» // Современные гуманитарные исследования. Сборник научных трудов. Вып. 2. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2004. — С. 99—100 (0,1 п.л.).

56. Трансляционные институты культуры // Материалы научной и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Воронежского государственного аграрного университета им. К.Д. Глинки. - Воронеж: ВГАУ, 2003. - С. 93-95 (0,1 п.л.).

57. Логика социума // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса (16 – 20 сентября 2002 г.). В 3-х т. - Ростов н/д, 2002. - Т. 3. - С. 169-170 (0,1 п.л.).

58. Общество, история, культура // Общественные науки, история, педагогика: Сборник научных трудов. -Воронеж: ВППУ, 2002. - С. 27-28 (0,1 п.л.).

59. Социальные основы античной культуры // Материалы научно- и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов ВГАУ. Секция кафедры истории Отечества. - Воронеж: ВГАУ, 1998.-С. 13-14(0,1 п.л.).

60. О некоторых характерных чертах социально-культурного развития России в XVIII — первой половине XIX в. // Тезисы докладов и выступлений научно- и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов ВГАУ. Секция кафедр Центра гуманитарного образования. - Воронеж: ВГАУ, 1997.-С. 6-7 (0,1 п.л.).

Общий объем публикаций по теме диссертации: 149,5 п.л.

Подписано в печать 03.12.2004 г.
Бумага типографская № 1. Формат 60x84¹/16. Печать офсетная.
П.л. 2,5. Тираж 120 экз. Заказ № 940

Типография Воронежского государственного университета
394000, Воронеж, ул. Пушкинская, 3

22 FEB 2005

790